

Признания земляка
Василию Белову

ЖИВАЯ КРАСОТА

Уважаемый Василий Иванович!читаю и перечитываю ваши очерки о народной эстетике под общим названием «Лад». Теперь, когда уже вполне определенлся замысел вашей книги, несколько необычной для читателей, когда первые торопливые вопросы сменялись напряженными размышлениями, думается, самое время обратиться к вам с письмом, меньше всего стремящимся стать рецензией на вашу новую работу. Нет, здесь иное дело и речь о другом. Вероятно, вы получите (если уже не получили) не один такой отклик, ибо вы задели многих читателей за живое.

Почему же мы так обостренно вчитываемся в эти полузабытые описания косыби, вития веревок, сбивания масла, хлебопашества, лепки глиняных игрушек и так далее, почему так современно звучат страницы ваших очерков? Вам, вероятно, памятны слова, сказанные Федором Абрамовым на VI съезде писателей СССР. Приведу их главный смысл: «Старая деревня с ее тысячелетней историей уходит сегодня в небытие... А это значит — рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: ее этика и эстетика, ее фольклор и литература, ее чудо-язык... И вот сегодня, когда старая деревня доживает свои последние дни, мы с особым, обостренным вниманием вглядываемся в тот тип человека, который был создан ею, вглядываемся в наших матерей и отцов, дедов и бабок».

Именно с таким уважением, даже гордостью за свою трудовую родословную, за свой народ, за свою округу, за родную деревню Тимонию (что затеряна для иных, но не для вас) в вологодских лесах, и написаны ваши очерки. Их пафос — в показе всего того, чем был жив человек, ради чего он шел умирать от поля Куликова до степей Сталинграда, ради какого долга он расстилал хлеб, детей, и за что мы должны ему низко поклониться. Нет, вы

не выдаете некоего «секрета» этих немеркнущих ценностей, которые в душе народной. Вы пишете о работе, о труде, потом снова о работе и опять о труде... В этом — смысл жизни. Но... не искусства. Последнему нужен талант, который опять-таки рождает труд. А труд должен приносить вдохновение. Так примерно и рождался лад жизни, бытового и художественного уклада северного крестьянства. Все было закольцовано, но не замкнуто, все имело свою очередность, но никогда не повторялось, все уходило, но и нарождалось. Лад — не разлад, не развал, не разлом. Лад — это работа, не бывшая в тягость. Лад — это искусство, без которого не мыслилась жизнь. Лад — это связь с природой, крепкая, хозяйская. Лад — это семья, ее строгий домашний устав.

Вы пишете то, что вам было близко с детства, что вы познали в юности и что вам сопутствовало в зрелые годы. И с чем вы, как и многие сельские жители, сегодня расстаетесь. Да, это прощание, но и с надеждой, с верой в человека, в его талант, в его ум и чувства. Поэтому ваши очерки не читаются, как умиленные и сентиментальные воспоминания о прошлом. Нет, они пишатся для нас — где с укором, а где и с приязнью к тому лучшему, что принес наш день.

И как тут не вспомнить слова А. Т. Твардовского: «...В творениях подлинных художников — и самых больших и более скромных по своему значению — мы безошибочно распознаем приметы их малой родины. Они принесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, тульские, приднепровские, волжские и заволжские, степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метелей, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь

не в разладе с законами единого великого языка».

Не буду повторять многие запомнившиеся места из вашей книги, а скажу лишь о том, насколько вам удалось, пусть даже в одной фразе, одним предложением выразить главную мысль «Лада» о неразрывной связи сельского труда и народного искусства. «Сельская кузница, — читаем мы в главе «Кузнецы», — как и водяная или ветряная мельница, всегда была окружена таинственной поэтической дымкой: труд, быт и поэтическое творчество составляли когда-то единый сплав народной жизни». Или (это уже глава «Осень»): «Благодаря стройности, ритмичности и личному, всегда своеобразному отношению к нему сельский труд, как нечто неотделимое от жизни, обзавелся своей эстетикой». Читаем дальше (глава «Столяры»): «Сделать легко и красиво можно то лишь, что легко и красиво выговаривается, — это одно из проявлений материального и духовного у русского работника». Таких примеров можно привести немало. Важна суть — не в материальном, не в барыше, не в выгоде искали смысла своей работы наши отцы и деды, а в искусстве, в том сладостном духовном состоянии, которое позднее получило название эстетического чувства.

Несколько лет назад вы мне прислали письмо с просьбой помочь в судьбе трех незаслуженно забытых художников. Вы были с ними даже не знакомы, просто вам случилось видеть их работы. И в этом письме, в таком стремлении сделать добро, откликнуться на чью-то талантливую судьбу заключалось большее, нежели в иных статьях с любви к искусству, к народной жизни, к ее талантам.

Я понимаю, что нелегко дарить читателям все новые страницы таких очерков. Но мы, читатели, ждем продолжения книги. И новой встречи с той красотой родного искусства, которое нелегко.

Ваш земляк Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.